

НЕПОБЕДИМАЯ И ЛЕГЕНДАРНАЯ
К 100-ЛЕТИЮ СОВЕТСКОЙ АРМИИ

ВЛАДИМИР
БУШИН

АРМИЯ СТАЛИНА И ЖУКОВА

Как надо побеждать

Владимир Сергеевич Бушин
Армия Сталина и Жукова.
Как надо побеждать
Серия «Непобедимая и легендарная.
К 100-летию Советской Армии»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7702111

Армия Сталина и Жукова. Как надо побеждать / Владимир Бушин:

Алгоритм; Москва; 2018

ISBN 978-5-907024-23-6

Аннотация

В.С. Бушин, известный писатель, фронтовик, собрал огромное количество документального материала о нашей армии и ее руководителях в годы войны. Он пишет: «Два человека сыграли самую важную роль в разгроме германского фашизма, в достижении небывалой в истории победы, в спасении Родины – Верховный Главнокомандующий Красной Армии И.В.Сталин и его заместитель Маршал Г.К. Жуков».

В книге, представленной вашему вниманию, В.С. Бушин показывает, как командовали они армией, в чем причины ее побед, в то же время не оставляя камня на камне от хитроумных нападок критиков Сталина и Жукова – от «трудов» Александра

Яковлева и Дмитрия Волкогонова до Сванидзе, Радзинского, Познера, Млечина, Пивоварова и прочих «авторитетов» по этой теме.

Содержание

Гений и балаболки

5

Конец ознакомительного фрагмента.

37

Владимир Бушин

Армия Сталина и Жукова.

Как надо побеждать

Гений и балаболки

Два человека, сыгравшие самую важную роль в Великой Отечественной войне, в разгроме германского фашизма, в достижении небывалой в истории победы, в спасении родины – Верховный Главнокомандующий Красной Армии И. В. Сталин и его заместитель Маршал Г. К. Жуков – вызывают самую бешеную злобу, самый яростный поток тупоумной клеветы не только врагов России, что понятно, но и некоторых странных существ, считающих себя большими патриотами и психически нормальными людьми.

Их пытаешься образумить: да вы посмотрите, что даже иностранцы говорили! Например, генерал Эйзенхауэр: «Жуков как ответственный руководитель в крупных сражениях за несколько лет войны получил больший опыт, чем любой другой военный нашего времени. Его обычно направляли на тот участок фронта, который в данный момент представлялся решающим... Это опытный солдат». И еще: «Я восхищен полководческим дарованием Жукова и его качествами

как человека... Я и мои генералы, буквально затаив дыхание, следили за победным маршем Советских войск под командованием Жукова на Берлин. Мы знали, что Жуков шутить не любит. Если уж он поставил цель сокрушить главную цитадель фашизма в самом сердце Германии, он это непременно сделает» (М. Гареев. Полководцы Победы. М., 2005. С. 122–123). И это слова соперника, который тоже мечтал взять Берлин!

А вот американский историк Гаррисон Е. Солсбери: «Когда история совершит свой мучительный процесс оценки, когда отсеются зерна истинных достижений от плевел известности, тогда над всеми остальными военачальниками засияет имя этого сурового, решительного человека, полководца полководцев в ведении войны массовыми армиями» (Там же).

Я уж не говорю о том, как высоко ценили, как отзывались о Жукове те, кто долгие годы вместе с ним работал и доподлинно знал его, – и Сталин, и Василевский, и Рокоссовский. Да и наши военные историки, которые сохранили совесть... Все это не производит на буйных патриотов никакого впечатления. Иные из них не останавливаются на двух названных фигурах, идут дальше – вплоть до того, что обвиняют Советский Союз в развязывании Второй мировой войны и ставят его на одну доску с гитлеровской Германией.

Еще в 1973 году вышел фундаментальный двухтомник историка В. И. Дашичева «Банкротство стратегии германско-

го фашизма». На протяжении почти полутора тысяч страниц большого формата (130 печатных листов!) автор с фактами и документами в руках убедительно показал как все это банкротство с его цинизмом и зверством, так и великую правду Советской страны, ее решающий вклад в святое дело спасения человечества. Но настал 1989 год. И что же наш подколодный историк? Он стал доказывать, что войну развязала его родина, Сталин, которому-де она нужна была, чтобы «раздуть революционный пожар в Европе» (МН.27.8). А ныне? Поскольку власть все-таки сообразила, чем пахнет обвинение нашей страны в развязывании Второй мировой вместе с Германией и вроде бы сопротивляется этому, историк выполз из-под колоды и опять доказывает то самое банкротство нацизма. Он, видите ли, просто колебнулся вместе с «генеральной линией».

А один генерал прислал мне свою книгу об Отечественной войне, вышедшую еще в 1995 году, снабдив ее уж такой пронзительной надписью: «Современному Белинскому...» Ах так! Вот ты до чего дошел! Ну тогда не обижайтесь, дорогой, – на классиков не следует обижаться.

Так вот, у вас же тут полный набор антисоветчины и сталинофобии, начиная с осуждения в общем виде «сталинской клики» и, в частности, «развязанной ею» Финской войны, и кончая заявлением о «военной некомпетентности», о «непонимании Сталиным элементарных основ военного управления, его коварстве и непорядочности по отношению к вой-

скам», о том, что он «жестоко подавлял всякую самостоятельность мышления и действий» (с. 280, 40, 59, 138, 152).

Отсюда пламенный призыв: «Надо прежде всего до конца развенчать сталинизм в военно-исторической науке!» (с.306). И как он развенчивает? А вот, говорит, «после войны Сталиным и его апологетами была придумана версия о заранее задуманном планомерном отступлении с переходом в победоносное контрнаступление» (с.142, 276). И это повторяется в книге дважды. Что, хотели уверить, будто до Москвы отступали по плану? По замыслу, дескать, пятились потом до Волги? Когда такую чушь говорил Сталин? Какие «апологеты», где вещали этот вздор? Кто печатал сей половумный бред? Это, пожалуй, могли бы измыслить Сванидзе и Млечин, чтобы потом высмеять, но даже они не решились.

А тут и почтительные ссылки на известных антисоветчиков и клеветников: «Как заметил Д. А. Волкогонов...» (с.78) ... «Как отметил А. Н. Яковлев...» (с.63)...»... Как приметил А. Кокошин, бывший тогда почему-то первым замом министра обороны. Тут и осуждение «коммунистического режима», и заявление «об ущербности советского тоталитарного режима», который был, однако, несколько лучше, чем «еще более тоталитарный режим фашистской Германии» (с.255).

Тут и похвала нынешним временам, которые совсем не то, что было прежде: «В предвоенные годы в международных делах господствовали совсем другие нравы и обычаи (чем

при Рейгане, Бушах и Клинтоне. — В.Б.). Коварство, беспринципность, изощренная хитрость, стремление обмануть и любой ценой добиться выгод за счет других стран, готовность перечеркнуть заключенные соглашения при более выгодной ситуации — все это было обычным делом в отношениях между буржуазными государствами. В области внешней политики главным аргументом была сила» (с.67). Во-первых, да, между буржуазными государствами это было так, но по отношению их к нашей социалистической родине все это было неизмеримо более коварно, беспринципно и лживо. Во-вторых, все так и ныне, а сила как была, так и осталась главным аргументом. Нужны доказательства? В-третьих, политика руководителей России стала лакейской по отношению к главным буржуазным государствам и коварной, беспринципной, изощренно хитрой по отношению к своему народу. Не замечали, генерал? Он об этом — ни слова.

Он предпочитает на обложках своих книг печатать клятвенные афоризмы В. Путина, прекрасно зная, что за ними ничего не стоит: «Мы будем защищать правду об этой (!) войне и бороться с любыми попытками исказить эту (!) правду, унижить и оскорбить память тех, кто пал». Кого он защитил? Где он боролся? Когда хоть раз дал отпор клеветникам? Нечего ответить генералу-угоднику...

На следующий год выходит его новая книга, и среди похвал Жукову новые порции вранья и о Сталине, и о Жукове, и о Советской власти. Пишет, например: «21 октября 1941

года по указанию Сталина в газетах было опубликовано постановление ГКО о назначении Жукова ответственным за оборону Москвы». На самом деле 10 октября Жуков был назначен командующим Западным фронтом, с которым объединили Резервный и, естественно, на него, как на руководителя самого крупного из фронтов Московской битвы, выпала первостепенная роль в обороне столицы, но никаким «ответственным» за все Жуков не был. За все отвечали Ставка и Верховный Главнокомандующий, который к тому же был и наркомом обороны, и главой правительства, и секретарем ЦК.

Автор видит особый зловещий смысл в том, что вместе с постановлением ГКО была, дескать, помещена в газетах фотография Жукова: «В случае неудачи уже намечался «козел отпущения», на которого Сталин мог бы свалить всю вину за случившееся» (с.83). И вот, мол, по этой фотографии «козла» можно будет изловить и содрать с него шкуру. Какой склад ума!.. Генерал, должны же вы разуметь, ведь это был не футбольный матч, после неудачи в котором можно искать виновных. Тут после «неудачи», т. е. захвата немцами столицы, было бы совсем не до этого, совсем. А, кроме того, чушь о фотографии Жукова вы же стащил из книги Д. Ортенберга, редактора «Красной звезды» в первый год войны. Постановление ГКО от 19 октября 1941 года было опубликовано не 21-го, как вы пишете, а 20-го. Чухаться некогда было. И вот передо мной этот номер «Правды» с постанов-

лением. Никакого Жукова тут нет. А на самом деле портрет его и других командующих фронтами и армиями, даже еще честного Власова, были помещены в газетах после разгрома немцев под Москвой. Но ум генерала настроен так, чтобы непременно найти улику против Сталина, вот и врет.

В новой книге, стараясь, как и в прежней (с.83), столкнуть лбами Верховного и его заместителя, автор пытался уверить, что Жуков «никогда не одобрял» знаменитый приказ Сталина № 227 «Ни шагу назад!», и даже «после войны прямо заявил о его вредности, называл его позорным» (с.131). Где заявил? Кому назвал? Когда?

Но почему все-таки родилась и эта выдумка? Она родилась из желания уверить нас, что вот, мол, Сталин был такой жестокий, а Жуков такой гуманный, аж деликатный... В приказе № 227 говорилось: «Нельзя терпеть дальше командиров, комиссаров, политработников, части и соединения которых самовольно оставляют боевые позиции. Нельзя терпеть дальше, когда командиры, комиссары, политработники допускают, чтобы несколько паникеров определяли положение на поле боя, чтобы они увлекали в отступление других бойцов и открывали фронт врагу. Паникеры и трусы должны истребляться на месте. Ни шагу назад без приказа высшего командования.

Командиры рот, батальонов, полков, дивизий, отступающие с боевой позиции без приказа свыше, являются предателями Родины. С такими командирами и политработника-

ми и поступать надо, как с предателями Родины».

Ну разве мог такой суровый приказ быть по душе Жукову, уверяет нас генерал, разве сам он мог написать что-нибудь подобное! И это военный историк... Но вот приказ Штаба Ленинградского фронта от 17 сентября 1941 года:

«Учитывая особо важное значение Южной части Ленинградского рубежа, Военный совет фронта приказывает объявить всему личному составу, обороняющему указанный рубеж, что за оставление без письменного приказа Военного совета фронта и армии этого рубежа, все командиры, политработники и бойцы подлежат немедленному расстрелу.

Комфронта Герой Советского Союза

генерал армии *Жуков*

Член Военного совета ЛФ

секретарь ЦК ВКП(б) *Жданов*

Член Военного совета ЛФ

дивизионный комиссар *Кузнецов*

Начальник Штаба ЛФ генерал-лейтенант *Хозин*».

А это из приказа от 21 октября 1941 года Военному совету 43-й армии уже Западного фронта:

«В связи с неоднократным бегством с поля боя 17 и 53 сд приказываю:

В целях борьбы с дезертирством выделить к утру 22 ок-

тября отряд заграждения. Заставить 17 и 53 сд упорно драться, и в случае бегства выделенному отряду расстреливать на месте всех, бросающих поле боя.

Жуков

Булганин».

Другое дело, что следовало за такими приказами, как они выполнялись. Ведь после, например, приказа № 227 от 28 июля 1942 года наше отступление-то до самой Волги продолжалось. И что – всех расстреливали?..

«Война – жесточе нету слова...» Тем паче, когда на кону – судьба родины. А историк-генерал и не слыхивал о документах, свидетельствующих о ее жестокости... Но зато умеет хохмить, как Хазанов: «Попробуйте повоевать под командованием такого Джугашвили!».

Но прошло десять лет, вышла новая книга. И что там о Джугашвили? Оказывается, «он не был врагом страны, не хотел ее поражения». Уж какое спасибо за открытие!

В главе, посвященной Сталину, много с потолка взятых данных, суждений, оценок, подтасовок и даже фальшивок. Так, приводится уже десять лет гуляющее по разным изданиям вплоть до «Правды» так называемое «письмо Гитлера Сталину от 14 мая 1941 года». Да ведь невооруженным взглядом видно, что это липа. Чего стоит хотя бы опасение «Гитлера», что генералы вермахта могут напасть на Советский Союз без его, фюрера и Главковерха, приказа и ведома

просто по лихости своей. Где вы видели в мировой истории таких генералов? Может, 10 мая 1940 года генералы Рундштедт, Бок и Лееб ударили по Франции без приказа? Или 7 декабря 1941 года адмирал Ямамото по собственному почину обрушился на Перл-Харбор?..

«А если провокации моих генералов не удастся избежать, – продолжал «Гитлер», – прошу Вас немедленно сообщить мне по известному Вам каналу связи». Вы же знаете мой телефончик, звякните. Да неужели Сталин не знал, что ему делать в таком случае!

Увы, Сталин и в первую очередь наше военное руководство виновны в том, что проглядели день и час начала агрессии, но добросовестный исследователь должен бы напомнить здесь, что, допустим, и упомянутый удар немцев по англо-французам явился для тех полной неожиданностью. И это притом, что у нас было с немцами два договора, гарантировавших нашу безопасность, а французы и англичане уже больше восьми месяцев находились в состоянии войны против немцев и сидели во всеоружии на своей границе. А удар японцев по США? Чуть не две недели огромная армада шла открытым морем к Перл-Харбору, и никто ее не заметил, а когда последовал страшной силы удар, уничтоживший почти весь Тихоокеанский флот Америки, Рузвельт сначала даже не поверил в случившееся. Да если взять и самих немцев уже во время войны. Наши контрнаступления под Москвой и Сталинградом, упреждающий удар на Курской дуге, опе-

рация «Багратион» в Белоруссии – все это было для них как гром с ясного неба.

Ни об одном из этих фактов автор тут не напомнил. Наоборот, и без того наш горький промах он старается усилить, увеличить, раздуть. Пишет, например: «Противник уже бомбил наши города, а собранное в 5.45 по указанию (!) Сталина Политбюро еще три часа выясняло, война это или не война» (с.87). И следует живописная сцена, приводятся неизвестно откуда взятые разговоры, подогнанные под «письмо от 14 мая», Сталину вкладываются в уста слова: «Гитлер наверняка не знает об этом». Но, во-первых, в этот час в кабинете Сталина собрались не только члены ПБ, а еще, разумеется, и Тимошенко, Жуков, адмирал Кузнецов, Мехлис и другие. Во-вторых, «выясняли три часа», т. е. до 9 часов? На самом деле директива № 2 была передана в округа в 7 часов 15 минут. Но чтобы отправить директиву, требуется и уверенность, что это война, и время, чтобы ее составить.

А ведь была еще и директива № 1, отправленная в округа 22 июня в 0 часов 30 минут. Генерал привел ее в сильно урезанном виде, в частности опущены такие важные требования: «а) В течение ночи на 22 июня скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе. б) Перед рассветом 22 июня рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию и тщательно ее замаскировать. в) Войска держать рассредоточенно и замаскированно. г) Противовоздушную оборону привести в боевую готовность. Под-

готовить все мероприятия по затемнению городов и объектов». Все это ученый генерал выбросил. А ведь нашел же место в книге для такой нелепой вещи, как «Рейтинг 100 великих полководцев». Тут, кстати, фигурирует «Цезарь, император», каковым он никогда не был. Ведь какая чушь! Полководцы разных эпох, наций, держав, действовавшие в совершенно разных условиях, сопоставляются словно шахматисты, все играющие по одним и тем же правилам на доске, всегда имеющей на 64 клетках по 16 фигур с обеих сторон.

В 2006 году в издательстве «Яуза» вышла книга о войне «Если бы не генералы». Там авторы не ограничиваются поношением отдельных личностей, хватают шире. Например: «Генеральская мафия... Совершить подлость по отношению к своим коллегам у ряда советских полководцев было обычное дело» (с.166). Что, это цитата из писаний какого-нибудь недобитого фрица или известного американского психа Маккейна? Ничего подобного. Это пишет советский патриот.

Или: «Наши генералы, ставшие патриотами только к концу войны, гадили советскому народу как могли и где могли в ожидании того, что фюрер им за это отвалит «ящик печенья и бочку варенья» (с. 169, 150). То есть все наши генералы – все! – были предателями, но как-то ухитрились привести Красную Армию к победному концу войны и тогда вдруг стали патриотами. Это написал Радзинский? Ничего подобного. Он все-таки не такой дурак.

Дальше: «Сталин пригрел на груди гадюк – Жукова, который был его неумным генерал-адъютантом, и Василевского, полководческий маразм которого не поддается описанию» (с.433, 54, 224). Такими же пригретыми гадюками изображены маршал Мерецков, маршал артиллерии Яковлев, адмирал Кузнецов, генералы Баграмян, Лукин, нарком боеприпасов Ванников и все остальные советские генералы...

Этот историк особое внимание уделяет именно Г. Жукову: «Говорить, что благодаря Жукову мы выиграли войну – просто смешно» (с.157). А кто говорит-то? Ты назови. Всем нормальным людям ясно, что победил народ во главе со своими руководителями и полководцами, в числе которых был и Жуков, игравший выдающуюся, первостепенную роль. И не зря же книгу своих воспоминаний он посвятил советскому солдату.

Но вообще-то кое-кто иногда говорит «Он победил!»... «Он спас!» Вот, например, Александр Сергеевич Пушкин однажды перед гробницей Кутузова воскликнул:

Народной веры глас

Воззвал к святой твоей седине:

«Иди, спасай!» Ты встал – и спас...

«Ты спас»!.. Ну так тащи Пушкина в околоток. Тебе поможет и мадам Яровая, опять мягко усевшаяся в Думе

Автор дошел до заявления о том, что Жуков – немецкий

агент. Как Ленин в 1917 году, о чем 18 февраля еще раз напомнило нам телевидение в чудо-передаче «Кто заплатил Ленину?». Да ведь многие для свержения нынешней власти взяли бы денег у самого сатаны, а та была не лучше этой. Интересно, а кто финансировал Разина или Пугачева – не Людовик XIV, не Ротшильд?

Всю войну, оказывается, говорит борец за правду, Жуков только и мечтал, как бы удрать к немцам: «Понимать надо, почему его постоянно сопровождала охрана из офицеров НКВД». Он понимает! «Даже на Парад Победы был выписан пропуск сопровождавшим Жукова 16 офицерам «охраны». При таком конвое к немцам не сбежишь» (с.146). А были основания опасаться, что даже с Парада сбежит? Так ведь бежать тогда уже некуда было, немцы-то капитулировали. Как некуда? А в американское посольство? Оно тогда было в Охотном Ряду, совсем близко от Красной площади. Что стоило профессиональному кавалеристу прищипорить своего белого красавца и ускакать туда! И эти 16 не догнали бы. Но товарищ Сталин всегда был начеку. «Он не дал возможности Жукову удрать к немцам и помочь им выиграть войну» (с.160). Это, должно быть, Михаил Веллер писал? Нет, Веллер вот что: «Советские генералы тупые сволочи... Если бы Жукова пристрелить с самого начала, то, возможно, толку было бы больше» (ЛГ.1.8.7). И до сих пор никто не пристрелил подонка? Господь с вами! Вон Д. Каралис нахваливает его в той же ЛГ. А ведь эти люди сейчас лишь повто-

ряют то, что в сентябре 1948 года следователь Лихачев заявил Герою Советского Союза генерал-лейтенанту Крюкову, которого избивал и допрашивал: «Всем известно, что Жуков предатель» (Военные архивы России, № 1'93, с. 217).

А началось-то все это давно, и делалось грязными руками людей, которых уже нет в живых. Григорий Бакланов напечатал в «Знамени» статью писателя Владимира Карпова, члена ЦК, и генерал-полковника Волкогонова, заместителя начальника ГлавПУРа, в которой «с документами в руках» они доказывали, что в свое время Жуков Г.К., будучи сослуживцем маршала Егорова, написал донос на него, и он был репрессирован. Ни одна правительственная стерва, включая министра обороны, и не ворохнулась при появлении этой подлой публикации. Но, слава Богу, в дело вмешались дочери Жукова. Они потребовали расследования, графологической экспертизы. И выяснилось: да, Жуков Г.К., но совсем не тот, а тот с Егоровым никогда и не служил вместе.

И какая готовность, какая жажда у известных высокопоставленных людей совершить гадость, плюнуть в советское время под горбачевским девизом «Нет сфер, закрытых для критики!». И ведь ни наказания, ни извинения, ни раскаяния... Я однажды Карпова спросил: «Как же ты мог?» Он ответил: «Да ведь Волкогонов такой пост занимал, такое звание имел! Да еще доктор двух наук!». Как им там всем трим на том свете?..

Ну, а коли все генералы – предатели, доносчики и про-

сто гадюки с лампасами, то итог такой: «В Вермахте (с большой! – *В.Б.*) высоко поддерживалось понятие воинской чести, и это резко отличало его от РККА и вообще от СССР. У нас понятие чести уничтожалось в принципе, в довоенной бухаринской энциклопедии даже слова такого нет» (112). Вы думаете, это писал какой-нибудь Лев Залманович Копелев? Нет, это, условно говоря, Иван Иванович Иванов.

Ему неизвестно, что он семенит по тропке, которую проторила еще Надежда Мандельштам, утверждавшая, что до войны слова «совесть», «честь» «совершенно выпали у нас из обихода, не употреблялись ни в газетах, ни в книгах, ни в школе» (Воспоминания, с.80). Но что взять с покойницы! Она же чистосердечно признавалась: «Я лгала всю жизнь» (там же, с.29). А тут-то – буйный советский патриот!

И приходится напомнить сразу по двум адресам – покойной антисоветчице на тот свет и здравствующему патриоту, что, во-первых, надо знать, к каким словарям и энциклопедиям обращаться. В словаре В. Даля, который в советское время переиздавался много раз, разумеется, упомянутые слова стоят на своем месте. А довоенная воинская присяга начиналась так: «Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии, принимаю присягу и торжественно клянусь быть честным, храбрым, дисциплинированным...» Прежде всего – честным. И дальше: «Я клянусь защищать Родину мужественно, умело, с достоинством и честью». Но

где критику знать это! Он же не принимал присягу. И неинтересно ему, что еще и в «Военном энциклопедическом словаре» есть статья «Честь воинская». А он нам про Бухарина! Наконец, и та и этот могли бы вспомнить, что было время, когда на всех перекрестках красовались лозунги со словами «ум, честь и совесть нашей эпохи».

А патриот продолжает хвалебный псалом вермахту: «Гитлер не мог взять и просто так снять какого-либо генерала – это немедленно возмутило бы остальных – немецкий офицер не скотина. Немецкие генералы и офицеры никому не давали возможности унизить свое достоинство» (Там же). Неужто? А кто же дал возможность Красной Армии привести себя в Карлсхорст, усадить за стол и подписать акт капитуляции. И какой! Безоговорочной. Или это акт высокого достоинства?

Напевая нам о том, что немецкий офицер не скотина, а человек высокой чести, что в этом вопросе фашистский вермахт, сама Германии «резко отличались от Красной Армии и вообще от СССР», автор, судя по всему, имеет в виду такие, например, истории. В 1938 году 60-летний военный министр Германии фельдмаршал Бломберг женился на 24-летней красотке по имени Ева Грун. Свидетелями на бракосочетании были сам Гитлер и Геринг. А потом вдруг выяснилось, что милашка с юных лет в семи городах страны промышляла проституцией и позировала для порнографических журналов. И что? Гитлер немедленно выпер фельдмаршала с высокой должности и даже запретил носить военную форму.

Ах, какая мощная эманация воинской чести, да? Но старичок-то, скорей всего, не знал о прошлом своей избранницы, его пожалеть бы. А если знал, то это просто подвиг благородства: простил, как Христос грешницу, и взял в жены, а после скандала не развелся, а уехал с ней в Италию. Гитлеру следовало бы не старика позорить, а запретить порножурналы, но он этого не сделал, хотя и был воплощением чести, да?

Могла подобная история приключиться в Красной Армии, в Советском Союзе? Конечно нет. Хотя бы потому, что у нас не было ни порнографических журналов, ни проституток. (Блядешки-то сердешные везде водятся.)

Вот еще один пример офицерской чести в германской армии: Гитлер предложил на место страдальца любви фельдмаршала Бломберга генерал-полковника Фрича, но того обвинили в гомосексуализме, и хотя офицерский суд чести оправдал Фрича «за недоказанностью вины», Гитлер все-таки выставил с высокого поста и его, несмотря на уверения Ивана Ивановича, что он не смел это делать, ибо «немецкий офицер – не скотина». Могло такое случиться в Красной Армии? Конечно нет. Хотя бы потому, что огромное большинство русских людей и не знали, и не слышали о гомосексуализме, несмотря на то, что в Уголовном кодексе на всякий случай имелась суровая статья о нем. Ну, я-то лично человек довольно осведомленный, и с поэзией Сапфо знаком и знаю, кому посвящены сонеты Шекспира, а вот мой родной племянник, впрочем, тоже человек с высшим образованием,

узнал о существовании «лесбийской любви», когда ему было уже лет сорок, а раньше и в голову не приходила мысль даже о самой возможности ее!

Но главное здесь не эти грязные истории. Главное – русский человек, считающий себя патриотом, назойливо твердит о чести, достоинстве армии и ее офицеров – ах, у них всегда были свежие носовые платки, они умели так ловко щелкнуть каблуками, они уступали дорогу женщине – русский нахваливает иностранцев, которые вторглись на землю его родины и истребили миллионы его соотечественников! Мы входили в немецкие города и первым делом из походных кухонь кормили кашей голодных немецких детей, а они...

23 июля 1941 года начальник штаба Верховного главнокомандования фельдмаршал Кейтель, у которого всегда был свежий носовой платок, издал приказ по вермахту: «Всякое сопротивление на оккупированной территории должно караться не путем судебного преследования, а путем создания вермахтом такой системы террора, которая будет достаточна для выполнения этого приказа путем применения драконовских мер» (Нюрнбергский процесс. Т.4, с. 77). И вот лишь один пример того, как выполнялся этот приказ: в белорусской деревне Борки расстреляно 705 человек, из них 372 женщины и 130 детей (Там же). А нам взрослые, образованные, сочиняющие книги люди толкуют о чести и достоинстве тех, кто творил такие дела! Ведь этого мы не слышали ни от Радзинского, ни от Сванидзе, ни от Млечина...

Почтение и похвалы Вермахту (с большой!), конечно, соседствуют с поразительным невежеством и бесстыдным враньем относительно важнейших событий войны. Читаем: «Каково было советским генералам после поражений вверенных им войск возвращаться домой?» (с.152). Что за чушь? О каком возвращении речь? С футбольного матча, что ли? После поражений 41-го и 42-го годов наши генералы продолжали сражаться. А домой они вернулись лишь в 45-м как победители.

«В старину такие генералы бросались на меч от позора». И что было бы, мыслитель, если бы в 41-м и 42-м годах перестрелялись командиры всех частей, потерпевших поражение? Кто стал бы командовать? Что это было бы, как не малодушие в помощь врагу?

«А в гитлеровской армии, – стыдит он Красную Армию, – в день капитуляции Германии свыше 200 генералов застрелились». Это уж такой сияющий образец воинской чести, что автор падает перед ним на колени. Да, были в вермахте и в гражданском руководстве Германии самоубийства и во время войны, и после. Ведь знали они, как в России наносили и что за это отвечать придется не путинскими условными сроками, вот и предпочли заранее смыться.

Например: еще 15 ноября 1941 года застрелился начальник технического управления люфтваффе генерал-полковник Эрнст Удет. Видимо, он уже тогда понял: блицкриг не удался, а без него неизбежно поражение. И что остается,

как не пустить пулю в лоб?.. 19 августа 1943 года застрелился начальник штаба люфтваффе генерал-полковник Ганс Эшоннек. Есть основание полагать, что он пошел на это из-за того, что в грандиозной воздушной битве над Кубанью в апреле-июне 1943 года немцы потеряли свыше 1100 самолетов, а главное – навсегда утратили господство в воздухе. И Ганс понял: война проиграна... А за ними последовали генерал-полковник Людвик Бек (в июле 1944-го после колоссального разгрома в Белоруссии), генерал-фельдмаршал Клюге (18 августа 1944-го), рейхскомиссар Австрии Йозеф Бюркель (28 сентября 1944-го), генерал-фельдмаршал Эрвин Роммель (14 октября 1944-го), генерал-фельдмаршал Вальтер Модель (21 апреля 1945-го, когда наши пушки уже били по Берлину), сам фюрер присоединился к большинству (30 апреля), за ним – Геббельс со всей семьей (2 мая), Гиммлер (21 мая), Геринг (15 октября 1946)...

Так что много было добровольных покойников, но в день капитуляции «свыше 200» именно генеральских трупов – лютое вранье, ни один не пожелал. Но вообще-то, как видим, их оказалось немало. Надо понимать, что самоубийство в иных случаях равноценно дезертирству или трусливому бегству от ответственности. У нас одна поэтесса, будучи известным человеком и даже депутатом Верховного Совета, могла кое-что сделать для страны в роковой для нее час, но предпочла улизнуть, написав трогательный стишок:

Как летит под откос Россия,
Не могу, не хочу смотреть...

Какой патриотизм! – без конца восхищаются в «Правде».

А историк уж совсем зашелся в прославлении «Вермахта» и в поношении родной Красной Армии: «Полководцы РККА в массе своей были неспособны застрелиться» (Там же). Вот досада какая! И как бы он был рад, если бы перестрелялись. Не может человек сообразить: мы проигрывали сражения, но выиграли войну. Это даже Новодворская понимала.

Автор пишет, что с детства его увлекала история Отечественной войны, я, говорит, «мемуары наших военачальников читал взахлеб, свято веря всему». А когда повзрослел, научился сморкаться, начал бриться, получил высшее образование, то пришел к выводам, например, такого рода: «Немецкие армии трижды попадали в окружение советских войск, но при этом частично прорывались. А немцы окружали советские войска, по моему счету, восемь раз» (с. 215). Если такой прекрасный для немцев «счет», то чего ж они пятились от Волги до Берлина и сдались на милость победителя? Ответа нет. И приходится внести ясность.

Мы окружали немцев не три раза, а несколько больше. А именно – в ходе следующих операций: Сталинградская (22 дивизии), Острогожско-Россошанская (13 дивизий), Воронежско-Касторненская (9 дивизий), Корсунь-Шевченковская (10 дивизии и 1 бригада), Витебско-Оршанская (5 ди-

визий), Бобруйская (6 дивизий), Минская (20 различных соединений, около 100 тыс. человек), Львовско-Сандомирская (8 дивизий), Яссо-Кишиневская (18 дивизий), Будапештская (20 различных соединений), Восточно-Прусская (около 32 дивизий), Берлинская (70 пехотных, 23 механизированных и горных дивизий), Пражская (более 50 дивизий). Это сколько будет? По моему счету, 15. Во сколько раз больше, чем придумал в пользу немцев наш историк? В пять раз. Круто! И ведь какие наши окружения сбросил со счета – по 30–50—90 дивизий. Дать бы ему Железный крест.

Его энергия и неутомимость в изыскании фактов превосходства вермахта над нашей армией поразительны. Вот пишет: немецкий пулемет МГ-34 делал до 1500 выстрелов в минуту, а наш Дегтярев – только 600 («Своими именами», № 66). Какой позор! Но подумал бы: а зачем нужна такая бешеная скорострельность? Ведь для поражения живой цели достаточно одного – двух метких выстрелов. Или обязательно требуется рассечь противника пополам? Пулемет с такой скорострельностью подобен самолету, который умел бы еще и по деревьям лазать. А сколько требуется боеприпасов для каждого такого пулемета!..

Но главное, став взрослым, любитель истории своим умом пришел к убеждению о высоком нравственном достоинстве «Вермахта», о недостижимом для нас чувстве долга и чести фашистских офицеров и генералов. Ну, это.... Е. Евтушенко, нагрянув однажды из Америки, принял участие в телепе-

редаче «100 детских вопросов». И дети его спросили: «Как же так, дядя Женя, вы прославляли Сталина, Ленина, а теперь...» Он ответил: «Это, детки, э-во-лю-ци-я личности и ее взглядов». Вот такая э-во-лю-ци-я и на сей раз перед нами.

Эта книга, повторю, вышла в издательстве «Яуза». Я был уверен, что автору тут же дадут отпор, но этого не произошло доныне. Мало того, нашлись такие, как К. Колонтаев, которого вместе с Д. Медведевым бросает в дрожь при виде, по его кривогубому выражению, «дебильного» лозунга «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Он выразил свои восторги аллилуйщику вермахта: «С удовольствием прочитал книгу «Если бы не генералы». Видно, как от одного издания к следующему растет Ваше мастерство как историка» (Дуэль, № 508). После этого я терпеть уже не мог...

Надо сказать, что маршала Жукова особенно яростно и самозабвенно поносят самые большие почитатели Сталина. Им говоришь: что ж вы делаете, в каком свете представляете и Сталина-то? Ведь он на самые важные участки фронта посылал именно Жукова, самым большим и важным Западным фронтом в боях за Москву назначил командовать его, своим заместителем сделал не кого-нибудь, а его, он и звание маршала во время войны получил первым, и орден Победы № 1, и две Золотых звезды Героя, и Берлин брал, и капитуляцию принимал, и Парад Победы... Неужели вы знаете Жукова лучше, чем знал Сталин?

Один отвечает на это: «Ну да, недоглядел товарищ Сталин, ошибся...». Можно ошибиться раз, два, но ведь тут — вся война, множество поручений и высочайшие награды. А Сталин был не из тех, кто хлопает ушами.

Другой говорит: «Сталину очень нравилось рабоче-крестьянское происхождение Жукова. Вот поэтому...». Да ведь только идиот мог придавать этому решающее значение в дни, когда решалась судьба родины! Кем же вы изображаете Сталина?

Особенно настойчивы третьи: «А трофейное дело! Жуков приволок из Германии вагоны драгоценного барахла!».

Я не хочу в этом деле оправдывать Жукова, как и сам он не оправдывался, а лишь приводил факты, опровергающие обвинения, но подумайте, обличители, если я, безвестный сержант, приволок из Восточной Пруссии, вернее, прислал по почте, как это было разрешено на фронте всем, шерстяной отрез и костюм, то можно себе представить, сколько наволокли всякого разного прославленному маршалу и его адъютанты, и от души благодарные люди, и бесстыжие подхалимы. И ведь такие «трофеи» были только с точки зрения советской морали предосудительны, а на протяжении веков победители всегда приодевались и прихорашивались за счет побежденных. А было в обычае и такое: взятый город полководец на три дня отдавал солдатам на разграбление. И что там творилось! Поинтересуйтесь, что было, например, в Измаиле после взятия его в 1790 году Суворовым. Ничего по-

добного не знала Красная Армия. А какова была участь советских городов под немецкой оккупацией! Они даже чернозем из Воронежской области вывозили, из Харькова – трамвайные провода, из Ростова – рельсы...

И нашли же время нынешние правдолюбцы позорить героя Отечественной войны немецкими вилками да ложками именно в дни, когда в лоск ограблена их родина... Генерал Сиднев на допросе сказал: «В разных частях Берлина то и дело обнаруживались хранилища золотых вещей, серебра, бриллиантов и других ценностей. Одновременно было найдено несколько огромных хранилищ, в которых находились дорогостоящие меха, шубы, разного сорта материи, лучшее белье и много другого имущества. О таких вещах, как столовые приборы и сервизы, я уж не говорю, их было бесчисленное множество» (Цит. соч., с.197). Что это за добро, что за специальные хранилища? Да это то самое, что за пять – шесть лет немцы награбили во всех захваченных ими странах Европы, в том числе и в России. Один только Геринг, великий эстет, ограбил все музеи... Вот бы вам чем поинтересоваться, правдорубы...

Но спросим себя: легко ли забыть такие позорные дела, как тайные обыски на даче и дома у тебя – у Маршала Советского Союза, заместителя Верховного Главнокомандующего? Легко ли переступить трижды Герою Советского Союза, кавалеру двух орденов Победы через унижительную необходимость отчитываться за сервизы и ложки да вилки? Сло-

вом, у маршала Жукова были веские причины для большой горькой обиды. И возможно, что он поддался ей.

Однако, работая над воспоминаниями, он, сознавая, что выступает перед народом, перед историей, смог преодолеть обиду, сказал о Сталине много правдивых высоких слов, назвал его «достойным Верховным Главнокомандующим». И судить об истинном отношении Жукова к Сталину надо не по тексту неизвестного происхождения, который не был произнесен, а по воспоминаниям, написанным с полным сознанием своей ответственности перед временем.

Да, в воспоминаниях Жукова есть вызванные разными субъективными и объективными причинами, в частности, уровнем по времени осведомленности, неточности, ошибки, неполнота, умолчания, но есть и многочисленные признания своих собственных упущений, промахов, ошибок.

Жуков признавал и такие ошибки, которые породила традиционность, инертность мышления, увы, свойственная людям. «Многие из тогдашних руководящих работников наркомата обороны и Генштаба, — читаем в книге, — канонизировали опыт Первой мировой войны». Именно поэтому «характер самого удара во всем объеме нами не был предусмотрен. Ни нарком, ни я, ни мои предшественники Б. М. Шапошников и К. А. Мерецков не рассчитывали, что противник сосредоточит такую массу бронетанковых и моторизованных войск и бросит их в первый же день мощными компактными группировками на всех стратегических направлениях».

ях».

И дальше в книге то и дело встречаем: «Мы допустили в этом вопросе ошибку»... «Главное командование здесь исходило не из анализа реальной обстановки, а из интуиции и стремления к активности без учета возможностей войск»... «Можно было сделать значительно больше, чем было сделано»... «Я вовремя не поправил командование фронтом...» Сопоставьте это хотя бы с нынешними победными речами Путина и Медведева, и вам будет воочию ясно, кто честный сын родины, коммунист, а кто лихой пустозвон. Да и кто из этих правдолюбов способен публично признать, допустим, свое хотя бы частичное невежество или хотя бы скромное бесстыдство, образцы которого даны выше?

А вот Жуков многое признал. И это притом, что ведь давно известно, для чего пишутся воспоминания – частенько для того, чтобы оправдаться да покрасоваться, в частности, свести счеты с обидчиками. А Жуков не упомянул мстительным словом не только Сталина, но даже маршала А. Новикова, благополучно пережившего Георгия Константиновича на несколько лет, даже маршала Конева, выступившего в «Правде» с позорной статьей о Жукове. А ведь тот в 1941 году спас его от очень больших неприятностей в связи с поражениями Западного фронта, которым будущий маршал командовал.

И вдруг новость! В правительственной «Российской газете» читаю: по первой программе телевидения будет показан

12-серийный фильм «Жуков». Не «Маршал Жуков», не «Георгий Жуков», а просто «Жуков», так сказать, голенький. «Фильм о жизни великого главнокомандующего...» Позвольте, Главнокомандующим был Сталин, а Жуков – его заместителем. Ну да ладно, лишь бы хоть в одной серии был дан отпор буйным патриотам, о которых шла речь. Надеялся, но как только узнал, что продюсер фильма Алексей Пиманов, известный кремленолог, типичная фигура для нынешнего телевидения, надежда рухнула.

Ну в самом деле, вот раскрыл я его книжечку «Опаленные властью», в которой он рассказывает о своих многочисленных телефильмах, составивших цикл «Кремль-9». И чем же он занят? Копошится в том, в чем радзинские-радзиховские давно откопошились, не сыскав там жемчужного зерна клеветы. Например, очень его занимает проблема: «Почему Сталин не сам принимал Парад Победы?»... «Почему решил передать это право Жукову?»... «Почему на коне оказался Жуков, а не Верховный Главнокомандующий?.. Ни у кого не было сомнений, что принимать парад будет Верховный Главнокомандующий». Дядя, да никто и не думал об этом в восторге тех дней!

Эти терзания Пиманова очень похожи на то, как с такой же назойливостью его братья по разуму, спустя 75 лет, все хотят знать, почему 22 июня Сталин не выступил по радио. Я их спрашиваю: а Гитлер выступил? У него же все было в руках, все рассчитано и спланировано, можно было найти

полчаса. Они не знают, им и в голову не приходило поинтересоваться этим, сопоставить. Так вот, с длинным и нудным обращением, похожим на дипломатическую ноту, выступил по радио не Гитлер, а Геббельс. (Впрочем, по другим источникам, даже не по радио, а на пресс-конференции для журналистов.) А кто такой Геббельс? Всего лишь министр пропаганды, т. е., если соотнести с нашей страной, как бы заведомо ЦК. А у нас 22-го выступил нарком иностранных дел, заместитель главы правительства, член Политбюро, т. е. второй человек в государстве и в партии. А французский президент и английский премьер выступили если уж не в первых числах сентября 1939 года, когда объявили войну Германии, то хотя бы 10 мая 1940-го, когда немцы нанесли им сокрушительный удар? Правдолюбыв и этим никогда не интересовались. Ну, а наконец японский император и американский президент выступили 7 декабря 1941 года, когда японцы обрушились на Перл-Харбор и уничтожили почти весь Тихоокеанский флот США и началась война? И это им до лампочки! У них слюна бешенства капает оттого, что Сталин не выступил 22 июня, а об остальном они и знать не желают. Выступил в тот день из высших руководителей один только Черчилль, ибо это был счастливейший день его жизни: он понял, что Англия спасена! А Сталин тогда и не должен был выступать. Его слово слишком много значило и в стране, и во всем мире. Надо было выждать, посмотреть, как будут развиваться события. И он выждал, и уж так сказал, как никто

и вообразить себе не мог.

Терзаться вопросом, почему Сталин на белом коне не принимал Парад Победы, могут только люди, не имеющие никакого представления о том, кто такой и что такое Сталин. Пиманов пишет: «Почему Сталин не сам принимал парад, знал только он сам». Так фабрикуются «загадки истории», дающие хлеб правдоискателям. А между тем хорошо известно, что Сталин сказал Жукову ясно и внятно: «Я стар принимать парады». У Пиманова другое объяснение: «Он был никудышным наездником... Жуков кавалерист, – сказал генералиссимус, – пусть он и принимает». Во-первых, в те дни Сталин не был генералиссимусом. Маршалы уговорили его на это позже, о чем он всегда жалел. Во-вторых, Сталин был таким же наездником, как вы, Пиманов, – творцом художественных фильмов. То есть он не был никаким наездником. То ли из-за покалеченной в детстве левой руки, то ли по какой другой причине Сталин, в отличие, например, от Троцкого, никогда не садился в седло. И вот в 66 лет не по тихой лесной тропинке проехаться, а принимать парад с его многотысячными, восторженно кричащими толпами, грохотом оркестров, полыханием знамен?.. На это способны только профессиональные кавалеристы, каковыми и были Жуков с Рокоссовским. У них, в отличие от Сталина, и голоса были подходящие для доклада и команд. Говорят: мог бы на машине. Это Булганин да Гречко могли на машине, это Путин и Медведев могут сидеть во время парада, как бабы на зава-

линке, а Сталин не мог, ибо тогда был не очередной парад, а первый и неповторимый Парад в честь только что одержанной Победы. Сталин думал о его красоте и величии. К тому же есть давняя русская традиция – только на коне! И 7 ноября 1941 года на Красной площади кавалерист Буденный принимал парад на коне. И Ворошилов с Пуркаевым в этот день на параде в Куйбышеве тоже были на конях.

А кроме всего прочего, глубоко прав был Александр Вертинский:

Чуть седой, как серебряный тополь,
Он стоит, принимая Парад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.